

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА V В.
ПРИСКА ПАНИЙСКОГО

Одним из самых ярких и талантливых писателей V в., запечатлевших необычайную по своей жизненности и правдивости картину как варварского, так и римского мира в эпоху великого переселения народов, был выдающийся историк и дипломат Приск Панийский. Его рассказ о византийском посольстве ко двору грозного правителя гуннов Аттилы до сего дня остается поистине уникальным источником изучения жизни и быта этих варваров-завоевателей, угрожавших в V в. всей Европе¹.

О жизни историка до нас дошли очень скудные сведения. Приск родился, по всей вероятности, в первой четверти V в. Дата рождения Приска устанавливается на основании некоторых косвенных данных, содержащихся в его труде. Известно, что Приск в 448 г. выполнял важную дипломатическую миссию к гуннам. Такое ответственное поручение вряд ли могло быть возложено на неопытного юношу. Скорее всего Приск в это время был уже человеком достаточно зрелого возраста, умудренным опытом дипломатической деятельности. Исходя из этого можно полагать, что он родился между 410—420 гг.² Родиной Приска был город Панион, от названия которого писатель получил, по существовавшему тогда обычаю, свое прозвище — Приск Панийский³. Можно предполагать, что Панион находился во Фракии, так как византийские историки — автор анонимной Пасхальной Хроники Иоанн Малала и позднее Феофан — называют Приска фракийцем⁴.

Скорее всего, небольшой городок Панион был расположен на северном побережье Мраморного моря, недалеко от города Гераклеи⁵.

Основные вехи жизни и деятельности Приска Панийского с трудом можно воссоздать на основании фрагментов его собственного сочинения и лапидарных упоминаний о нашем авторе в произведениях других ранневизантийских историков — гота Иордана, церковного писателя VI в.

¹ E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948, p. 9—12, 49—50, 64, 71—73, 184—186; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951; Ф. Баршиш. Приск као извор за најстарију историју Јужних Словена. — ЗРВИ, XXI, кн. 1, 1952, стр. 52—63; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958. S. 479—488; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 13, 15, 53, 56, 126, 167.

² Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 480.

³ Прозвище Приска приводится в византийском лексиконе X в. Суда: *Suidae Lexicon*, ed. I. Bekker. Berolini, 1854, p. 883.

⁴ *Chronicon Paschale*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832, p. 587—588; *Ioannis Malalae Chronographia*, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831 (далее — *Malal.*), p. 359; *Theophanis Chronographia*, rec. C. de Boor, I. Lipsiae, 1883, p. 116.

⁵ «Сказания Приска Панийского» Г. С. Дестуниса. — «Ученые записки второго отделения имп. Академии наук», кн. 7, вып. 1, 1861, стр. 1.

Евагрия, Иоанна Малалы, анонимного автора Пасхальной Хроники, Стефана Византийца, Иоанна Антиохийского и, наконец, Феофана ⁶.

Приск происходил из довольно состоятельной семьи, которая смогла дать будущему историку солидное философское и риторическое образование. Свидетельством глубоких и разносторонних познаний Приска является его произведение, отличающееся изысканностью стиля образованного человека, эрудита, овладевшего знаниями своей эпохи. Недаром Приск заслужил почетные звания софиста и ритора ⁷.

Завершив образование в Константинополе, Приск поступил на государственную службу в самой столице; вскоре ему удалось завоевать расположение знатного вельможи Максимиана, занимавшего высокие посты при императоре Феодосии II (408—450). Приск стал секретарем и ближайшим советником Максимиана. В 448 г. Максимиану была поручена крайне сложная дипломатическая миссия: он возглавил византийское посольство в Паннонию к царю гуннов Атилле ⁸.

В это опасное путешествие ко двору Атилы вместе с Максимином отправился и его советник Приск, пользовавшийся неограниченным доверием своего патрона. В течение всего многотрудного путешествия в ставку Атилы и пребывания при дворе этого «бича божьего», как прозвали правителя гуннов народы Европы, Приск, по-видимому, вел подробный дневник, куда записывал все свои наблюдения. Эти записи и легли в основу знаменитого сочинения Приска (*Ἱστορία βυζαντιακή καὶ τὰ κατ' Ἀττήλαν*), сохранившегося, к сожалению, лишь во фрагментах ⁹.

Увлечение историей и литературные занятия не отвлекли Приска от дипломатической деятельности. На этом поприще его ожидали немалые успехи. Он неоднократно выполнял секретные дипломатические поручения византийского двора.

Смена императора на византийском престоле не помешала дальнейшей карьере Приска. Действительно, уже в царствование Маркиана (450—457), в 450 г., мы находим Приска в Риме, где он ведет тайные переговоры с юным сыном франкского короля, на которого была возложена миссия заключить союз с могущественным полководцем Запада Аэцием.

В это время во франкской державе шла борьба за престол между сыновьями умершего короля. В этой борьбе претенденты на верховную власть искали могущественных союзников вне своей страны. По словам Приска, «поводом к войне Атилы с франками была кончина их государя и спор между сыновьями за господство: старший решил держаться союза с Атилией, а младший — с Аэцием. Мы видели этого последнего, когда он

⁶ *Jordanis Romana et Getica*, rec. Th. Mommsen (MGH, Auctores antiquissimi, t. V, pars 1). Berolini, 1882 (далее: *Jordan.*), § 121—129, 178—227, 254—258; *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia*, ed. J. Bidez — L. Parmentier. London, 1898 (далее — *Evagrius*), I, 17; II, 5; V, 1, 24; *Malal.*, p. 359; *Chronicon Paschale*, p. 588; *Ioannes Antiocheus*. Fragmenta. — In: «*Excerpta de insidiis*», ed. C. de Boor. Berolini, 1905; *Theophanis Chronographia*, I, p. 116.

⁷ *Suidae Lexicon*, p. 883; *Evagrius*, II, 5, 14; F. Bücheler. Zu Priscus und Suidas. — «*Rheinisches Museum*», 24 (1869), S. 137—138; A. F. Norman. An Identification in Suidas. — «*The Classical Quarterly*», N. S., 3 (1953), p. 171—172.

⁸ W. Ensslin. Maximinus und sein Begleiter, der Historiker Priskos. — BNGJb, 5, 1926, S. 1—9.

⁹ *Priscus Panites*. Fragmenta. — In: FHG, t. IV. Paris, 1851 (далее — *Priscus*), p. 69—110; *Excerpta de legationibus*, ed. C. de Boor. Berolini, 1903, p. 121—155, 575—591; *Historici Graeci Minores*, ed L. Dindorf, t. I. Lipsiae, 1870 (далее — HGM), p. 275—352; русский перевод Г. С. Дестуниса: «Сказания Приска Панийского», стр. 1—112; В. В. Латышев. *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, I. СПб., 1890, стр. 810—847. *Prisci Excerpta de legationibus*. Ambasadale lui Priscus traducere de G. Popa-Lisseanu (*Fontes historiae Daco-Romanorum*, VIII). București, 1946; J. Kuran. De Prisco Panita rerum scriptore quaestiones selectae. Lublin, 1958.

явился в Рим с предложениями: на лице его еще не пробивался пушок; русые волосы были так длинные, что ниспадали на плечи»¹⁰.

Трудно судить по отрывочным данным, содержащимся в сочинении Приска, о цели его переговоров с франкским королевичем. Не исключено однако, что византийская дипломатия пыталась помешать сепаратному соглашению Рима с франкской державой. Однако на этот раз демарш Константинополя не имел успеха, и Аэций, усыновив франкского принца и богато одарив, отослал его к императору Валентиниану III «для заключения между ними дружбы и союза»¹¹.

В правление Маркиана византийская дипломатия активизировалась и на Востоке. В 452 г. Приск побывал в Восточных провинциях империи: сперва проездом он посетил Дамаск, а затем отправился в Египет. И на этот раз историк состоял советником при Максимином. Патрон Приска не потерял доверия нового правительства и был отправлен на Восток для урегулирования отношений империи с кочевыми арабскими и нубийскими племенами. В Дамаске Максимин и Приск были свидетелями мирных переговоров византийского полководца гота Ардавура, сына Аспара, с послами арабских племен (сарацинов, по терминологии Приска)¹².

Из краткого рассказа Приска остается неясной роль Максимиана и самого писателя в переговорах в Дамаске. Известно лишь, что из Дамаска Максимин со своей свитой отбыл в Фиваиду в Египте. Здесь он вел успешные переговоры о мире с побежденными римским оружием племенами влеммиев и нувадов (нубийцев). Максимин заключил с ними мир на сто лет; условия мирного договора были выгодны для империи: все римские военнопленные и знатные заложники возвращались на родину без выкупа; угнанные кочевниками стада должны были быть вновь отданы старым владельцам, а убытки возмещены. Влеммии же и нувады получили разрешение беспрепятственно проезжать по Нилу в храм Исиды на острове Филы для отправления древнего культа этой богини. Договор был подписан в Фильском храме и впервые скреплен выдачей кочевниками знатных заложников.

Однако мир оказался недолговечным. Вскоре, когда Максимин внезапно заболел и умер в Египте, варвары, узнав о его смерти, отбили у римлян своих заложников, разорили страну и опять начали войну против империи¹³.

В 453 г., в год смерти Максимиана, Приск едет из Фиваиды в Александрию, опять-таки выполняя какое-то правительственное поручение. Приск прибыл в Александрию в трудные для города времена. Он оказался в гуще народных волнений, вызванных ожесточенной борьбой монофиситов и православных. Приск не остался сторонним свидетелем этих столкновений, а принял участие в борьбе, естественно, на стороне правительства¹⁴.

После смерти Максимиана Приск перешел на службу в качестве асессора (советника по юридическим делам) к влиятельному вельможе Евфимию — магистру оффиций при императоре Маркиане. «Славный разумом и силою слова, Евфимий, — пишет Приск, — правил государственными делами при Маркиане и был его руководителем во многих полезных начинаниях. Он принял к себе Приска-писателя как участника в заботах правления»¹⁵.

¹⁰ *Priscus*, fr. 13; *Th. Mommsen. Aetius*. — «Hermes», 36, 1901, S. 516—547.

¹¹ *Priscus*, fr. 13.

¹² *Ibid.*, fr. 16.

¹³ *Ibid.*, fr. 17. О победе римлян при Маркиане над нумидийскими племенами сообщает, кроме Приска, аноним Вalezия (*Anonymus Valesii*, ed. *Th. Mommsen*. — *MGH, Auctores antiquissimi*, t. IX, 1892, p. 302; *J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903).

¹⁴ *Evagrius*, II, 5.

¹⁵ *Priscus*, fr. 20; *Gy. Moravcsik. Op. cit.*, S. 480.

Евфимий по поручению императора в 456 г. вел переговоры с царем лазов Гувазом (Говазом) о заключении мира с империей. Условиями прекращения военных действий в Лазике Константинополь ставил отказ лазов от древнего обычая иметь в качестве правителей двух царей. Гуваз, не получив помощи от персов, отказался от престола в пользу своего сына, и мирный договор был подписан. Не исключено, что в переговорах с лазами какое-то участие принимал и советник Евфимия Приск. Однако прямых указаний на это в источниках нет ¹⁶.

Год смерти Приска Панийского точно неизвестен. Можно высказать лишь некоторые предположения. Поскольку историческое сочинение Приска доведено до 472 г., то кончина историка последовала, видимо, после этой даты ¹⁷.

Состав и содержание исторического труда Приска восстанавливаются по дошедшим до нас фрагментам и выдержкам, включенным в сочинения других византийских авторов.

По словам византийского лексикона X в. Суда, перу Приска принадлежала «Византийская история и деяния Аттилы в восьми книгах» (Ἱστορία βυζαντιακή καὶ τὰ κατὰ Ἀττῆλαν ἐν βιβλίοις ὀκτώ) ¹⁸.

Хронологический охват событий, описанных Приском, устанавливается по сообщениям Евагрия: Приск начинал свое повествование с событий 411 г., которыми завершил свое сочинение Зосим, и доводил их до 472 г. ¹⁹ С 473 г. историческое сочинение Приска продолжает Малх Филадельфиец.

В научной литературе проведена значительная текстологическая работа по исследованию отдельных фрагментов и по восстановлению исторического произведения Приска ²⁰. К сожалению, эта работа еще далека от завершения, и назрела настоятельная необходимость нового критического издания этого выдающегося исторического сочинения ранней Византии.

Подлежащее большинство уцелевших фрагментов исторического сочинения Приска сохранилось в знаменитом собрании эксцерптов о посольствах Константина Багрянородного в рукописях XVI в. ²¹ Позднее были обнаружены еще два важных отрывка из трудов Приска — ныне они хранятся в Парижской Национальной библиотеке. Один из этих фрагментов входил в состав греческих сочинений X в. по полиоркетике и, возможно, был частью утраченного собрания эксцерптов Константина Багрянородного о военном деле — Paris. Suppl. gr. 607. Другой происходил из библиотеки Ватопедского монастыря на Афоне и был обнаружен Миноидом

¹⁶ *Priscus*, fr. 19—20. Утверждение Г. С. Дестуниса об участии Приска в переговорах с лазами, на наш взгляд, слишком категорично: «Сказания Приска Панийского», стр. 4.

¹⁷ *Gy. Moravcsik*. Op. cit., S. 480.

¹⁸ *Suidae Lexicon*, p. 883.

¹⁹ *Evagrius*, I, 17; II 1, 14, 16; V, 24; *Gy. Moravcsik*. Op. cit., S. 480.

²⁰ *L. Dindorf*. Ein Fragmente des Priscos. — «Jahrbücher für classische Philologie», 99 (1869), S. 43—48; *idem*. Nachtrag zu dem Fragment des Priscos. — «Jahrbücher für classische Philologie», 99 (1869), S. 120—124; *E. A. Thompson*. Priscus of Panium, Fragment Ib. — «The Classical Quarterly», 39 (1945), p. 92—94; *idem*. Notes on Priscus Panites. — «The Classical Quarterly», 41 (1947), p. 61—65.

²¹ В рукописях отрывки из трудов Приска были помещены в двух различных разделах эксцерптов Константина Багрянородного: в разделе 1) «о посольствах народов к римлянам» под заглавием *Πρίσκου ῥήτορος καὶ σοφιστοῦ ἱστορίας βυζαντικῆς ἐκλογαί*, и в разделе 2) «о посольствах римлян к народам» под заглавием *Πρίσκου ῥήτορος καὶ σοφιστοῦ ἱστορίας ῥωμικῆς ἐκλογαί*. К. Мкллер впервые объединил в своем издании фрагменты Приска и расположил их в хронологическом порядке (FHG, t. IV, p. 138—142). Последующие издания воспроизводят этот порядок расположения текста фрагментов Приска: *Gy. Moravcsik*. Op. cit., S. 482—483; *М. Крашенинников*. Новая рукопись извлечений *Περὶ πρέσβευων Ῥωμαίων πρὸς ἔθνη*, — ВВ, 21, 1919, стр. 45—170; «Византийское обозрение», 1, 1915, стр. 1—52.

Минасом во время его путешествия по Востоку — Paris. Suppl. gr. 1253²².

Сочинение Приска, кажется, входило составной частью в ныне утраченную «Всемирную историю» Евстафия Епифанийского, о чем есть косвенные данные у Евагрия и в лексиконе Суда²³. Существует гипотеза о том, что византийские авторы использовали не подлинный труд Приска, а его изложение у Евстафия Епифанийского или какого-то иного, неизвестного нам, писателя²⁴. Однако все эти предположения труднодоказуемы из-за отсутствия полного труда самого Евстафия²⁵.

Большую помощь науке в воссоздании утерянного труда Приска оказал историк VI в. Иордан. Готский писатель, вероятно, имел в своих руках полное сочинение Приска и умело его использовал²⁶. Интереснейшие известия о гуннах, которые мы находим в «Getica» Иордана, в подавляющем большинстве случаев почерпнуты из произведения Приска, причем с прямыми ссылками на этого автора²⁷. Сверх сохранившихся фрагментов Приска, по Иордану можно восстановить такие утраченные части истории Приска, как подробное описание Каталаунской битвы 451 г.²⁸, рассказ о смерти и похоронах Атиллы²⁹. Одними и теми же красками и даже в близких выражениях рисуют Иордан и Приск незабываемый и ставший ныне хрестоматийным образ Атиллы³⁰, дают описание дворца гуннского короля и его жены³¹. Близость между Приском и Иорданом неоднократно отмечалась в научной литературе³².

Отдельные отрывки из сочинения Приска разбросаны в исторических произведениях и других византийских авторов — у Малалы, в Пасхальной Хронике, у Стефана Византийского и особенно, как мы уже говорили, у Евагрия. Стефан Византиец упоминает шестую книгу «Византийской истории» Приска, содержащую, видимо, рассказ о событиях 463 г.³³

Прокопий Кесарийский и Иоанн Антиохийский также не обошли своим вниманием нашего автора, при этом первый черпает из него материал без упоминания его имени, а второй — с прямыми ссылками на его труд³⁴.

Выяснение источников, которыми пользовался Приск при создании своей «Византийской истории», наталкивается на большие трудности

²² H. Schöne. Über den Mynas-codex der Griechischen Kriegsschriftsteller in der Parisier Nationalbibliothek. — «Rheinisches Museum», 53 (1898), S. 432—477; H. Omont. Minoide Mynas et ses missions en Orient. — «Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», 40, 1916, p. 337—419.

²³ Evagrius, V, 24; Suidae Lexicon, p. 883.

²⁴ Gy. Moravcsik. Op. cit., p. 483.

²⁵ P. Maas. Eine Handschrift der Weltgeschichte des Eustathios von Epiphaneia. — BZ, 38, 1938, S. 350.

²⁶ Гипотеза Т. Моммзена о том, что Иордан пользовался сочинением Приска не непосредственно, а через «Историю готов» Кассиодора, на наш взгляд, недоказуема из-за отсутствия самого произведения Кассиодора (Iordan., p. XXX—XLIV).

²⁷ Ibid., § 123, 178, 183, 222, 225.

²⁸ Ibid., § 178—225.

²⁹ Ibid., § 254—259.

³⁰ Ibid., § 182—183; Priscus, fr. 8.

³¹ Iordan., §§ 178—179; Priscus, fr. 8.

³² D. Romano. Due storici di Attila: il greco Prisco e il goto Iordanes. — «Antiquitas», 2, 1947, p. 65—71. Значительный интерес к творчеству Приска Панийского проявила советский историк Е. Ч. Скржинская; она провела скрупулезное сравнительное изучение фрагментов труда Приска и сочинения Иордана «Getica» — см. ее комментарий в кн.: Иордан. «О происхождении и деяниях гетов». Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 212, 216, 221, 223, 225, 268, 270, 273, 280, 304—306, 310, 314—315, 326, 327, 335, 340. Особое внимание Е. Ч. Скржинской привлекли географические, этнические и топонимические сведения, содержащиеся в сочинении Приска.

³³ Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 480—481.

³⁴ Procopii Caesariensis opera omnia, rec. J. Haury, vol. I. Lipsiae, 1905, VII—XIX; A. Koecher. De Ioannis Antiocheni aetate, fontibus, auctoritate. Diss. Bonnae, 1871, p. 34—37.

в связи с отсутствием каких-либо точных данных. Доподлинно известно лишь немного. Главный источник Приска — это, бесспорно, его личные наблюдения над исторической действительностью своего времени. Историк пишет преимущественно о том, что он видел своими собственными глазами или о чем узнавал из заслуживающих доверия рассказов близких и друзей. Личный, порою многотрудный, опыт, переживания, впечатления и наблюдения, почерпнутые во время дальних и подчас опасных путешествий в варварские страны — вот основная канва сотканного автором узора повествования.

В дошедших до нас фрагментах сочинения Приска мы не встречаем каких-либо упоминаний трудов современных или близких по времени византийских историков и хронистов. Чаще всего, рассказывая о том или ином событии, Приск употребляет личные местоимения «я» или «мы» («я узнал», «я увидел» и т. п.), что укрепляет нас в представлении о его труде как труде очевидца и участника многих описанных им исторических драм.

В научной литературе высказана заманчивая гипотеза о том, что Приск, создавая обобщающее историческое произведение (около 472), использовал свои старые записи, дневники, литературные письма и речи, которые он написал в течение всей своей жизни. Косвенным подтверждением этого служит упоминание «Суды» о том, что перу нашего автора, кроме «Византийской истории», принадлежали еще ныне утраченные риторические упражнения (*Μελέται ῥητορικαί*) и письма (*Ἐπιστολαί*)³⁵.

Что касается освещения Приском путешествия византийского посольства в страну гуннов, то эта гипотеза, на наш взгляд, абсолютно правдомерна. Действительно, весь обширный фрагмент труда Приска, посвященный этому событию, очень похож (и по форме, и по содержанию) на литературно обработанные дневниковые записи автора, куда он заносил все свои наблюдения и впечатления. Не исключено также и то, что писатель мог в письмах поделиться с друзьями всем пережитым в стране гуннов, рассказать им о ставке Аттилы и встречах с грозным королем гуннов, имя которого наводило ужас на многие народы Европы.

Относительно же того, какие источники были в руках Приска, когда он писал те части своего труда, события которых приходятся на его юные годы, мы можем только гадать. Фундированность изложения и достаточная осведомленность автора об этих событиях, в частности о мире в Марге в 434 г. между Византией и гуннами и о сношениях империи с этими варварами в начале 40-х годов V в.³⁶, заставляет предположить наличие у Приска каких-то документальных источников.

Не исключено, что в тех случаях, когда личного опыта автору не хватало, он прибегал к помощи дипломатической переписки имперской канцелярии, донесений византийских послов, к посредству других документов императорской библиотеки, куда он, будучи дипломатом и чиновником достаточно высокого ранга, имел постоянный доступ.

Итак, для воссоздания истории империи 30-х — начала 70-х годов V в. труд Приска Панийского является единственным достоверным свидетельством очевидца и поэтому представляет собой источник непреходящей ценности. От этого периода до нас не дошли сочинения других авторов, которых можно было бы поставить рядом с Приском. Как это ни парадоксально, но одиночество Приска на историческом горизонте своего времени — его сила, но одновременно и его слабость. Мы не имеем трудов современников Приска, с которыми можно было бы его не только сравнивать, но и проверять достоверность рассказанного им.

³⁵ *Suidae Lexicon*, p. 883; Gy. *Moravcsik*. *Op. cit.*, S. 481.

³⁶ *Priscus*, fr. 1—3.

Таковы краткие сведения о жизни и историческом труде Приска Панийского.

«Византийская история и деяния Аттилы» Приска Панийского привлекали внимание как современников, так и потомков. В чем же притягательная сила его труда, читавшегося с интересом даже в отрывках?

Обаяние сочинения Приска, на наш взгляд, кроется прежде всего в свежести и непосредственности видения автором мира. Приск — творец, а не компилятор, рассказчик, а не регистратор фактов, художник, а не копиист. Почти все, что им написано и дошло до нас, носит следы самостоятельного мышления, а не подражания великим образцам прошлого.

Приск — писатель, дипломат, государственный деятель — человек не только достаточно осведомленный о политических делах империи и ее связях с другими народами, но и разумный и трезвый судья, выносящий во многом объективный приговор историческим деятелям своей эпохи и здраво оценивающий с точки зрения интересов своего государства международные события, в которых он принимал непосредственное участие. Приску удалось написать поистине выдающееся историческое сочинение не только благодаря своему таланту и наблюдательности, но еще и потому, что его глаза не застилала пелена ложного римского патриотизма и презрения к варварам; он смог увидеть в гуннах и славянах, в Аттиле и других варварах живых людей, с их достоинствами и недостатками.

Среди дипломатических миссий Приска ни одна не может сравниться по своему значению с посещением ставки Аттилы. Именно описание грозного племени гуннов и его жестокого правителя придало такой необычайный интерес историческому сочинению Приска и принесло ему неувядаемую славу.

Третья книга сочинения Приска была целиком посвящена описанию поездки греческого посольства в ставку Аттилы³⁷. Эта часть труда Приска всегда, еще со времени А. Тьерри, привлекала внимание исследователей, и Приск вошел в науку как историк гуннов и Аттилы³⁸, хотя интересы писателя, думается, были значительно шире³⁹.

В описании державы Аттилы Приск весьма объективен. Если готский историк Иордан видит в Аттиле прежде всего могущественного врага, несущего «опустошение мира» и гибель народам Европы⁴⁰, то для Приска гунны не только враги, но и возможные союзники в борьбе с другими варварами.

Приск рассказывает о том, как обе империи — Западная и Восточная — искали союза с всемогущим правителем гуннов. Рим и Константинополь соперничали между собой в стремлении приобрести расположение гордого варвара. При дворе Аттилы Приск недаром встретил послов западного императора, которые пытались уладить мирным путем одну распрю с королем гуннов. «Посольство западных римлян, — пишет

³⁷ *Suidae Lexicon*, p. 883; кроме Приска и Иордана, ценные сведения о гуннах содержатся в трудах таких авторов, как Аммиан Марцеллин (*Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum*, ed. J. C. Rolf, I—III. Cambridge—London, 1935—1939, XXXI sq.), Павел Орозий (*Paulus Orosius. Historiae adversum paganos*. Lipsiae, 1889, VII, 33.10) и др.

³⁸ A. Thierry. *Histoire d'Attila et de ses successeurs*, I—II. Paris, 1865; K. Bierbach. *Die letzten Jahre Attilas*. Diss. Berlin, 1906; Gy. Moravcsik. *Attilas Tod in Geschichte und Sage*. — *ЖСsA*, 2 (1926), S. 83—116; I. Harmatta. *The Dissolution of the Hun Empire. I. Hun Society in the Age of Attila*. — *Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2, 1952, p. 277—305.

³⁹ Так, например, сочинение Приска содержит интересные сведения о ранней истории и других варварских племен, заселявших Балканский полуостров; см.: G. Fénér. *Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V—XI Jahrhunderten*. Pécs, 1924; Ф. Бапишч. Указ. соч., стр. 52—63.

⁴⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, стр. 304—306; *Iordan. Getica*, § 182—184.

Приск, — было отправлено к Аттиле для укрощения его гнева»⁴¹. Послы стремились удержать Аттилу от похода на Запад и направить его против врагов империи.

Константинопольское правительство и Равеннский двор хотели использовать полчища гуннов как заслон против других наступающих на обе части империи варварских племен.

Восточная империя, по словам Приска, в конце 40-х годов V в. особенно настойчиво стремилась сохранить мир с гуннами, ибо ей буквально со всех сторон угрожали враги: персы начали приготовления к войне, вандалы беспокоили империю на море, исавры восставали и грабили страну, арабы совершали набеги на восточные окраины византийской державы, а эфиопские народы объединились для борьбы с Византией. «Поэтому, — пишет Приск, — теснимые со всех сторон ромеи Аттилу ласкали, а против других народов делали приготовления, набирали воинов, назначали вождей»⁴².

Аттила же, утверждает автор, и во время мира с империей постоянно отправлял на берега Босфора посольство за посольством, вымогая богатые подарки от византийского правительства под предлогом нарушения ромеями договора о выдаче гуннам перебежчиков. Гуннский король, желая одарить кого-либо из своих любимцев, посылал его послом в Константинополь, рассчитывая на вынужденную щедрость ромеев⁴³.

«Ромеи, — по словам Приска, — повиновались всякому его требованию; на любое с его стороны предписание смотрели как на приказ повелителя»⁴⁴.

Но не только Западная и Восточная империи искали союза с гуннами. В 40—50-х годах V в. Аттила приобрел столь великую славу могучего предводителя варваров, что к нему за помощью обращались вожди других варварских народов.

Так, король вандалов Гензерих во время изнурительных войн с вестготами, по словам Приска, искал помощи у Аттилы против таких же, как он, варваров⁴⁵. С Аттилой пытались пойти на сближение также франки. Приск описывает борьбу двух группировок среди франкской знати: одни стояли за союз с Западной Римской империей, другие обратились за военной помощью к правителю гуннов⁴⁶.

В сложные взаимоотношения с Аттилой был вовлечен и Равеннский двор. В Равенне среди придворной знати, видимо, возникла какая-то «прогуннская партия». Иначе необъясним поступок августы Гонории: в трудную минуту жизни красавица Гонория обратилась к Аттиле и и предложила себя в жены этому дикому варвару с отталкивающей внешностью. Известно, что дочь Галлы Плацидии по воле своего брата Валентиниана III была обречена на вечное девство во имя поддержания чести императорской фамилии⁴⁷. Натура страстная и решительная, Гонория не пожелала выполнять силой навязанный ей обет и вступила в тайную связь с знатным юношей Евгением, одним из придворных Равеннского двора. Когда эта связь была раскрыта, на Гонорию обрушился гнев ее

⁴¹ *Priscus*, fr. 8. По словам Приска, в посольство Валентиниана III входили довольно видные сановники: Ромул имел сан комита, Примут был правителем Норика, а Роман — командиром легиона. Конфликт возник из-за того, что Аттила предъявил права на золотую церковную утварь епископа города Сирмия, захваченного гуннами. Эта драгоценная утварь была увезена на Запад и отдана под залог ростовщику Сильвану. Теперь Аттила требовал возвращения золотых фиалов и выдачи Сильвана, в чем ему отказывал император Западной Римской державы.

⁴² *Priscus*, fr. 6.

⁴³ *Ibidem*.

⁴⁴ *Ibidem*.

⁴⁵ *Ibid.*, fr. 12.

⁴⁶ *Ibid.*, fr. 13.

⁴⁷ *Ibid.*, fr. 12—13; *Jordan. Getica*, § 224; *Иордан. О происхождении и деяниях гетов*, стр. 310.

царственного брата. Честолюбивая и смелая принцесса, не желая смириться со своей судьбой, замышляла захватить престол предков при помощи гуннского владыки. В 450 г. она тайно через евнуха Гиацинта переслала Атилe богатые дары и перстень в знак своего с ним обручения. Гонория предложила правителю гуннов вступить с ней в брак, прибыть за ней в Италию и овладеть наследством ее отца, освободив ее от тирании брата ⁴⁸.

Заговор Гонории был раскрыт, и, по данным Иоанна Антиохийского, ей грозила суровая кара. Однако Валентиниан III, смягченный мольбами их матери Галлы Плацидии, пощадил сестру, но жестоко наказал всех ее сообщников ⁴⁹. Непокорная Гонория была спешно отправлена в Константинополь под надзор регентши Пульхерии, набожной ханжи, известной своей строгой нравственностью.

Иордан осуждает Гонорию за сговор с Атилой, давший в руки гуннского владыки предлог для похода в Италию ⁵⁰.

Подобного осуждения Гонории у Приска мы не встречаем. Он скорее рисует Атиллу как защитника Гонории, незаконно лишенной власти братом. Приск пишет, что предложение Гонории показалось Атилe заманчивым, и он в 450 г. потребовал от Валентиниана III отдать ему в супруги Гонорию и в качестве приданого — ее законное наследство, половину Западной Римской империи ⁵¹. Естественно, притязания Атилы были отвергнуты Валентинианом III, и король гуннов в 451 г. двинулся походом в Италию. Несчастная же Гонория была возвращена в Равенну, спешно для виду помолвлена с одним придворным, не игравшим сколько-нибудь видной политической роли, а на деле посажена под домашний арест в Равеннском дворце, где она и окончила печально свои дни ⁵².

Рассказ о помолвке Гонории и Атилы интересен тем, что он свидетельствует о наличии каких-то «прогуннских» настроений у той части римско-италийской знати, которая была недовольна жестоким правлением неумного и слабого Валентиниана III и надеялась укрепить империю, посадив на ее престол пусть варвара, но могущественного правителя. Из рассказа Иоанна Антиохийского видно, что Гонория имела сторонников и действовала с помощью знатных заговорщиков, которые потом были наказаны императором.

Нет сомнения, однако, что Атила имел при Константинопольском и Равеннском дворах значительно больше врагов, чем сторонников. Вероломство политики империи в отношении Атилы совершенно ясно показано Приском. Так, Приск рассказывает, что император Феодосий II, отправляя в 448 г. посольство к Атилe с целью заключения договора о мире и дружбе, одновременно, по наущению евнуха Хрисафия, фактически поддерживал заговор о тайном убийстве короля гуннов ⁵³. Приск осуждает Хрисафия (а косвенно и самого императора) за их вероломство в отношении Атилы. Правда, при этом Приск подчеркивает, что ни глава посольства Максимин, ни сам Приск ничего не знали об этом заговоре, в котором был замешан лишь переводчик Вигила. Он рисует заговорщиков, в первую очередь Хрисафия и Вигилу, в самых мрачных тонах

⁴⁸ *Iordan. Getica*, § 223—224; *Priscus*, fr. 12—13; *Ioannes Antiocheus. Fragmenta*, fr. 199; *Theophanis Chronographia*, p. 162.

⁴⁹ *Ioannes Antiocheus. Fragmenta*, fr. 199.

⁵⁰ *Iordan. Getica*, § 224.

⁵¹ *Priscus*, fr. 12—13.

⁵² О том, что притязания Атилы на руку западной принцессы Гонории послужили предлогом для нападения гуннов на Италию, единодушно говорят все источники: *Iordan. Getica*, § 223—224; *Priscus*, fr. 12—13; *Ioannes Antiocheus*, fr. 199; *Theophanis Chronographia*, p. 162.

⁵³ *Priscus*, fr. 7—8. См. *I. Tičelou. Über die Nationalität und Zahl der vom Kaiser Theodosius dem Hunnenkhan Attila ausgelieferten Flüchtlinge.* — *BZ*, 24, 1924, S. 84—87.

и оправдывает варвара Эдикона, который сохранил верность своему королю и предал Вигилу ⁵⁴.

Весьма положительно оценивает Приск поведение самого Атиллы в столь сложных политических обстоятельствах. Атилла проявляет государственную мудрость, когда, узнав о тайном заговоре, не идет из-за этого на полный разрыв с империей, а, более того, даже заключает соглашение с Максиминином.

Приску не чужды и некоторые человеческие слабости. Так, он стремится убедить читателя, что именно он, Приск, своим умом и находчивостью спас дело греков и смягчил грозного варвара. С целью подчеркнуть свою выдающуюся роль в переговорах с Атиллой Приск утверждает, что после раскрытия заговора Атилла вначале сильно разгневался, и миссии Максимина грозил полный провал. Лишь тактичное посредничество и дипломатическое мастерство Приска спасли положение и помогли охладить гнев Атиллы и заключить мир с гуннами ⁵⁵.

Объективность Приска в изображении жизни гуннов во многом базировалась на достаточно хорошем знакомстве автора с описываемыми событиями. Приск был умным, тонким наблюдателем, он много беседовал с посланцами западных государств, приехавшими одновременно с византийцами ко двору Атиллы, а также жившими среди гуннов соплеменниками и получал от них ценные сведения о варварском мире.

Совершенно уникальными по своей свежести и непосредственности являются сведения Приска о стране гуннов, об их обычаях, образе жизни, языке, о церемониях двора Атиллы, об отношении гуннов к покоренным племенам, а также различным народам Востока и Запада. Приск признает довольно высокую строительную технику гуннов, описывает роскошные дворцы Атиллы и его жены Креки ⁵⁶.

Резиденция Атиллы представляла собой огромное селение, в котором находился дворец короля и его приближенных. Этот дворец был самым великолепным из всех дворцов, которые имел Атилла в других местах. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, украшенной башнями. Вокруг дворца был огромный двор. Дворец Атиллы был выше других построек и находился на возвышении. Почти столь же великолепным был дворец Креки. Первый сановник Атиллы — Онигисий также владел богатым домом с деревянной оградой и каменной баней, построенной из привозного камня архитектором из города Сирмия, захваченным в плен гуннами.

Житель самого блестящего города империи — Константинополя, Приск, которого трудно было поразить великолепием построек и утвари, с удивлением говорит о внутреннем и внешнем убранстве дворцов Атиллы и Креки, об изобилии золотой и серебряной посуды, богатых тканей и оружия ⁵⁷.

Нашему историку понятна красота народных обычаев гуннов. Живо и поэтично описывает он процессию гуннских девушек, встречавших Атиллу при его возвращении в ставку. «При въезде в селение Атилла был встречен девами, которые шли рядами под тонкими белыми покрывалами.

⁵⁴ *Priscus*, fr. 7—8.

⁵⁵ *Priscus*, fr. 8. Приску удалось подкупить богатыми подарками влиятельного приближенного Атиллы — Онигисия, который добился аудиенции Максимина у Атиллы. Роскошными подарками Приск завоевал расположение и жены Атиллы — Креки, и, конечно, немалую роль в милостивом решении Атиллы также сыграло византийское золото.

⁵⁶ *Priscus*, fr. 8. Подробное описание ставки Атиллы и его двора вслед за Приском дает Иордан (*Iordan. Getica*, § 178—179; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, стр. 305—306).

⁵⁷ *Priscus*, fr. 8; *F. Vámos*. Attilas Hauptlager und Holzpaläste. — «*Seminarium Kondakovianum*», 5, 1932, S. 131—148; *V. Grecu*. La Curțile lui Attila. — «*Junimea Literară*», 18, 1929, p. 153—163.

Под каждым из этих длинных покрывал, поддерживаемых руками стоящих по обеим сторонам женщин, было до семи или более дев; а таких рядов было очень много. Эти девы, идя впереди Аттилы, пели скифские песни»⁵⁸.

Интересен и другой обычай гуннов, во многом сходный с обычаям «хлеба-соли» у славянских племен. По словам Приска, Аттилу на пути ко дворцу встречала жена Онигисия, окруженная множеством слуг, которые поднесли правителю серебряное блюдо с изысканными кушаньями и чашу вина, что считалось у скифов знаком величайшего уважения. Аттила оказал милость жене своего любимца и, не сходя с коня, отведал ее угощения⁵⁹.

С большой обстоятельностью описывает Приск торжественный пир во дворце Аттилы, на который были приглашены Максимин и сам Приск, послы западного императора и множество знатных гуннов, приближенные и сыновья Аттилы. Во время пиршества строго соблюдался порядок размещения гостей согласно с их рангом и положением при дворе, кушанья и вина отличались изысканностью, а убранство стола — роскошью. Аттилу и пирующих гостей развлекали песнями гунны-певцы, воспевавшие победы Аттилы, тешили их стихами и рассказами о бывших сражениях, а юродивые потешали шутками, смешивая латинскую, гуннскую и готскую речь⁶⁰.

Никто из ранневизантийских писателей не оставил такого яркого, списанного с натуры, жизненно правдивого портрета короля гуннов Аттилы, как Приск. Приск изображает Аттилу мудрым, хотя и грозным, правителем. Аттила прежде всего — государственный деятель, искусный политик, ведущий активную международную политику. Приск показывает его неустанную дипломатическую деятельность, обмен посольствами с Восточной и Западной империями, с различными варварскими государствами⁶¹. В тонкой дипломатической игре, которую ведет Аттила, он пускает в ход угрозы и обещания. Однако порой он проявляет государственную мудрость и осторожность и воздерживается от открытого разрыва с Восточной империей, как это случилось с миссией Максимиана. Даже узнав о готовящемся покушении на его жизнь, он сдержал свой гнев и принял посольство византийского императора.

Если для Иордана Аттила прежде всего грозный завоеватель, угрожавший всему миру⁶², то для Приска король гуннов скорее не воитель, а правитель, судья, выслушивающий жалобы народа и выносящий приговор по судебным делам⁶³, гостеприимный хозяин, умеющий принять иноземных послов и не ударить перед ними в грязь лицом. Владея огромными богатствами, Аттила стремился похвастаться ими перед послами других народов, но одновременно он хотел показать свою воздержанность и пренебрежение к роскоши. Он был подчеркнуто умерен в одежде, пище⁶⁴. Вместе с тем он хотел поразить византийских и западных послов своей обходительностью, гостеприимством, блеском и весельем своих пиров.

⁵⁸ *Priscus*, fr. 8.

⁵⁹ *Ibidem*.

⁶⁰ *Ibidem*.

⁶¹ *Ibid.*, fr. 3, 4, 6, 15. Конечно, акцентирование внимания на дипломатической деятельности Аттилы объясняется характером экспертов Приска.

⁶² *Jordan*. *Getica*, § 182.

⁶³ *Priscus*, fr. 8.

⁶⁴ *Ibidem*. «...Для других варваров и для нас, — рассказывает Приск о пире во дворце Аттилы, — были приготовлены отличные яства, подаваемые на серебряных блюдах, а перед Аттилою ничего более не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносили чаши золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий на нем меч, ни шнуры варварской обуви, ни узды его лошади не были украшены золотом, камнями и драгоценностями, как принято у других скифов».

Приск отдает должное славе и могуществу Аттилы, хотя и порицает его за чрезмерную гордость. Беседа Приска с послами Западной Римской империи отражает представление о величии Аттилы, существовавшее на Западе. В глазах западных народов могущество Аттилы порождалось прежде всего необычайным его счастьем, сопутствовавшим королю гуннов в завоеваниях и во всех делах. «Никто из тех, кто когда-либо царствовал над Скифией, — говорил Ромул (один из послов. — З. У.), — или над другими странами, не совершил столько великих деяний, как Аттила, и в такое короткое время. Его владычество простирается до островов, находящихся на Океане, и не только всех скифов, но и ромеев он заставляет платить дань». Однако и эти огромные владения не удовлетворяют короля гуннов, он мечтает о походе против персов, о завоевании Персидской державы. При этом посол западного императора считал вполне вероятным завоевание Персии Аттилой, ибо «...военная сила у него такая, что ни один народ не устоит против нее». Когда византийские послы «молили бога, чтобы Аттила пошел против персов и обратил на них оружие...», латиняне возражали, указывая на то, что, завоевав Персию, Аттила начнет покорение Римской империи. «Я боюсь, — говорил один из латинян Константиол, — что Аттила после легкого покорения Персии вернется оттуда не другом, а владыкой ромеев»; «Считая их своими рабами, он будет давать им самые тяжкие и нестерпимые повеления». Аттила уже не будет довольствоваться данью с римлян, которую он получает в качестве полководца империи, но отвергнет это звание и станет их царем, «...ибо он уже сказал во гневе своем, что полководцы царя его рабы, а его полководцы равны царствующим над римлянами...»⁶⁵

Приск немного приоткрывает завесу над личной жизнью гуннского короля. Аттила имел много жен и детей и постоянно заключал новые браки с юными прекрасными девушками; одно, неясное правда, место Приска породило даже легенду о том, что Аттила женился на своей дочери Эскеме⁶⁶. Однако главная жена Аттилы — Крека пользовалась большим почетом и уважением, имела роскошный дворец и массу челяди, сама принимала иностранных послов и устраивала для них богатые обеды⁶⁷. Со своими детьми Аттила был суров, и они трепетали перед отцом. Так, во время пира старший сын Аттилы по обычаю сидел на краю ложа отца, но в некотором отдалении и опустив глаза из уважения к отцу⁶⁸. Отличал и ласкал Аттила только своего младшего, любимого сына Ирну, который, по предсказанию прорицателей, должен был в будущем спасти род Аттилы⁶⁹.

Сладострастие Аттилы, по словам Иордана, использовавшего не дошедшие до нас разделы труда Приска, послужило причиной смерти грозного правителя гуннов. «Во времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги — после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, — девушку замечательной красоты по имени Ильдиго. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обычно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло постыдный конец прославленному в войнах королю»⁷⁰.

⁶⁵ *Priscus*, fr. 8. О представлении современников об Аттиле см.: *H. de Boor*. Attilas Bild in der Geschichte. Bern, 1932; *H. Honeyr*. Attila, der Hunnerkönig, von seinem Zeitgenossen darstellt. Berlin, 1951.

⁶⁶ *Priscus*, fr. 8. Неясно, женился ли Аттила на своей дочери Эскеме или дочери Эскама. См. примечание Г. С. Дестуниса к переводу Приска, стр. 45.

⁶⁷ *Priscus*, fr. 8.

⁶⁸ *Ibidem*.

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ *Iordan*. *Getica*, § 254.

Приск, а вслед за ним и Иордан, оставили нам описание наружности Аттилы. Приск пишет, что Аттила держался гордо, шел важно, глядя по сторонам ⁷¹; он был иногда вспыльчив, груб, впадал в страшный гнев, но чаще всего со своими подчиненными был приветлив, советовался с приближенными о всех делах, имел целый штат писцов, вел дипломатическую переписку ⁷².

Иордан так описывает Аттилу: «Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутой сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все признаки своего происхождения» ⁷³.

Насколько мы можем судить по отрывкам произведения Приска, последний был более объективен и умерен в оценке Аттилы, чем Иордан, который постоянно хулит все действия Аттилы.

Такую же объективность и отсутствие враждебности проявляет Приск при описании быта и нравов племен гуннов. В отличие от других авторов — Аммиана Марцеллина, Зосима, Иордана — Приск отнюдь не акцентирует внимание на рассказе о свирепости гуннов и грубости их нравов. Описывая образ жизни гуннов, он не видит в их поведении какой-либо особой, безудержной, присущей им одним жестокости, хотя и признает крутой и непреклонный нрав их правителя. Приск рассказывает, что на войне гунны проявляли такую же беспощадность, как и ромеи, но с пленными обращались более мягко, давали им свободу, оставляли жить у себя в качестве равноправных с победителями людей ⁷⁴.

В совершенно объективном, спокойном тоне повествует Приск о причинах войн между гуннами и ромеями. Эти причины, по его мнению, заключаются в требовании гуннами у ромеев дани, земель, выдачи варваров-перебежчиков и беглых ромеев-военнопленных. Пленные ромеи, как правило, возвращаются от гуннов на родину, но бывают случаи, когда византийцы, попавшие в плен к гуннам, остаются у них жить навсегда ⁷⁵. Приск рассказывает о любопытной встрече с богато одетым греком, который предпочел жизнь у гуннов жизни в империи. Незнакомец, увидев Приска на улице близ дома Онигисия, первый подошел к нему и заговорил на греческом языке. Приск был весьма удивлен, услышав эллин-

⁷¹ *Priscus*, fr. 8.

⁷² *Ibidem*.

⁷³ *Iordan. Getica*, § 182—183; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, стр. 306. Враждебное отношение Иордана к Аттиле, пожалуй, находит объяснение в том, что гуннский король был опасен для варварских племен, в том числе и для готов, на стороне которых, естественно, были симпатии писателя. Все варвары, по словам Иордана, мечтали освободиться от власти Аттилы. «И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Аттилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна» (*Iordan. Getica*, § 253).

⁷⁴ *Priscus*, fr. 8; *Iordan. Getica*, § 122, 127—128; *Ammian. Marcell.*, XXXI, 2, § 2—11; *Zos.*, IV, 20. Иордан так описывает отталкивающую наружность гуннов и их необычайную жестокость: «...они наводили ужас на противников своим страшным видом; они обращали их в бегство, потому что их образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа...» (*Iordan. Getica*, § 127). Столь же отрицательными чертами наделяет гуннов и Аммиан Марцеллин.

⁷⁵ *Priscus*, fr. 5.

скую речь, ибо сперва принял незнакомца за варвара: он казался скифом, живущим в роскоши, одет был в богатое скифское платье, а голова его была острижена в кружок. Он не был похож на пленника, которого можно узнать по изодранному платью и нечесаной голове. Разговор, завязавшийся между Приском и пленным греком, по существу является спором о преимуществах одного из двух миров — римского или варварского ⁷⁶.

Рассказ грека о жизни в плену у гуннов наполнен стремлением оправдать свой поступок. «Уход из империи он объясняет пороками ее государственного и социального строя. Обычная история воина, попавшего в плен, завершилась на этот раз переходом в подданство к королю гуннов. Захваченный на войне варварами, грек, человек недюжинной храбрости, своими подвигами в сражениях завоевал свободу, однако не вернулся на родину, а женился на варварке, прижил детей и навсегда остался в стране гуннов. Здесь, далеко от родины, у чужеземцев-варваров он нашел если не счастье, то известное благополучие». Рассказчик рисует идиллическую картину жизни бывших пленных в стране гуннов: иноземцы у гуннов по окончании войн ведут жизнь спокойную и беззаботную, каждый пользуется тем, что у него есть, ничем не тревожимый. Живущие же под властью империи во время войн не знают безопасности, часто уводятся в плен, ромеи их плохо охраняют, а они не могут сами защитить себя, так как тираны не позволяют им иметь оружие. Для воинов же особенно опасно малодушие римских правителей, все чаще уступающих на войне варварам.

Бедствия, претерпеваемые ромеями во время мира, еще тягостнее тех, которые они переносят во время войны. Основная причина этого — беспощадное взимание налогов и притеснения со стороны дурных правителей. Закон в империи не для всех имеет равную силу. Для богатых — судьба милостива, и они всегда остаются безнаказанными. Для бедных — закон суров и неумолим. Чтобы выиграть справедливое дело, надо дать взятку судье и его помощникам и вести бесконечную тяжбу, требующую огромных издержек ⁷⁷.

Иными словами, грек упрекает византийское правительство в плохой обороне империи, в тягостных налогах и несправедливости судов в отношении бедных. Критика общественного строя Византийской империи, вложенная в уста грека-перебежчика, видимо, в какой-то степени выражала политические взгляды самого Приска, ибо она перекликается с другими его разоблачениями пороков византийского общества ⁷⁸.

Императорская казна, пишет Приск, была опустошена бесполезными тратами на непристойные зрелища, безрассудную пышность двора и пустые забавы, в то время как оборона страны была поставлена плохо, о военном деле правители не радели и платили дань не только гуннам, но и другим варварам. Поэтому император принуждал всех своих подданных платить обременительные налоги, отменив льготы даже для сенаторов. У граждан столь блистательного состояния побоями вымогали деньги, так что люди, издавна богатые, выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки. Такое бедствие постигло ромеев после этой войны, что многие из них уморили себя голодом или прекратили свою жизнь, надев петлю на шею ⁷⁹.

Для социально-политических взглядов Приска характерно в какой-то мере сочувствие бедствиям именно сенаторской аристократии и высшей знати империи.

Критика существующего строя, однако, дается Приском в завуалированной форме. Обличениям грека-перебежчика автор противопо-

⁷⁶ *Priscus*, fr. 8.

⁷⁷ *Ibidem*.

⁷⁸ *Ibid.*, fr. 5; ср. *Zos.*, I, IV, cap. 16, 29, 32, 41.

⁷⁹ *Priscus*, fr. 5.

ставляет свою апологетическую речь в защиту общественного строя римского государства. Идиллической картине жизни пленных у варваров противостоит не менее, а, может быть, даже более приукрашенная картина величия Римской империи, где, как в идеальном государстве Платона, царят мудрые законы и всеобщая справедливость. В ответе греку-перебежчику Приск излагает свое представление о наилучшем государственном устройстве, нашедшем воплощение в Римской империи.

«Устроители Римского общества, — говорит Приск, — были мужи мудрые и добрые. Желая оградить дела людей от превратностей случая, они определили, чтобы одни были хранителями законов, другие носили оружие, упражнялись в военном деле, готовы были всегда выступать в поход и смело начать бой. . . Они же установили, чтобы земледельцы содержали не только себя, но и тех, кто за них воюет, доставляя жалованье войску. Другие же должны заботиться о притесняемых. . .» ⁸⁰

Приск стремится опровергнуть обвинения грека-перебежчика против корыстных и продажных судей. В противовес своему оппоненту он восхваляет справедливость и предусмотрительность судей, которые, по его словам, пекутся о благе бедных и обездоленных, защищают их от обид сильных мира сего. Плата судьям — это не взятки, а законные взносы на их содержание, благодарность за их нелегкий труд ⁸¹. Задержка разбора судебных дел объясняется отнюдь не злоупотреблениями судей, а их осторожностью и желанием избежать поспешных и необдуманных решений.

Особенно неправдоподобна нарисованная Приском идиллическая картина взаимоотношений рабовладельцев и рабов в империи. По словам Приска, ромеи поступают с рабами значительно снисходительнее, чем варвары: они якобы обращаются с ними, как отцы или наставники со своими детьми. Они учат их воздерживаться от дурных поступков и делать то, что считается честным. Господа исправляют ошибки рабов, как ошибки собственных детей. В Византийском государстве господам не позволено предавать рабов смерти, как это водится у гуннов. Рабы в империи имеют много способов получить свободу. Господа не только в течение всей своей жизни, но и перед смертью могут отпускать рабов на волю. Распоряжения умирающего относительно его собственности есть закон. При этих словах грек-перебежчик якобы заплакал и сказал: «Законы хороши, и римское общество прекрасно устроено; но правители портят и губят его, не поступая так, как поступали древние» ⁸².

В приведенных высказываниях Приска проявилась известная двойственность его мировоззрения: с одной стороны, он видел язвы и пороки общественного строя империи и даже признавал известные преимущества быта варваров. Но, с другой стороны, оставаясь истым ромеем, он не мог примириться с критикой существующих порядков, исходящих от перебежчика, и, естественно, защищал свое государство, впадая при этом в явную идеализацию его устройства.

Идеализируя положение рабов в империи, Приск одновременно рассказывает о том, что у гуннов имелось много рабов, находившихся на положении челяди. Рабство у гуннов носило еще патриархальный характер. У супруги Атиллы Креки в ее дворце было множество рабов и рабынь, которые окружали ее пестрой толпой. Рабыни, сидя в ее покоях, против нее, на полу, вышивали различными цветными узорами полотняные покрывала, которые гунны надевают в качестве украшения поверх одежды ⁸³.

⁸⁰ Ibid., fr. 8.

⁸¹ Ibidem.

⁸² Ibidem.

⁸³ Ibid., fr. 5, 8.

Однако не всегда отношения господина и раба у гуннов были столь идилличны. Сам же Приск рассказывает о том, что наиболее храбрые рабы убивали своих господ и бежали на родину в империю. В случае поимки гунны их безжалостно распинали⁸⁴. Кроме того, из страны гуннов в Византийскую империю бежали варвары, вставшие в немилость у Атиллы, в том числе лица царского происхождения и представители знатных родов. Перебежчики столь решительно сопротивлялись выдаче их обратно гуннам (по требованию Атиллы), что римляне их даже принуждены были убивать⁸⁵.

Приск осуждает варваров за то, что они берут с собой на войну своих рабов-военнопленных, и если раб проявит храбрость и захватит добычу, то добычу эту забирает себе господин в качестве выкупа за отпуск раба на свободу. Но для раба подобная милость господина весьма опасна. «...что касается свободы, — говорит Приск греку-перебежчику, — которой ты пользуешься, за то благодари судьбу, не господина своего, взявшего тебя с собой на войну, где ты мог быть убитым неприятелем по своей неопытности в военном деле или подвергнуться наказанию от господина своего, если бы вздумал бежать»⁸⁶. У римлян нет такого обычая брать рабов на войну, и слова Приска надо понимать в том смысле, что римляне поступают с рабами гораздо снисходительнее, чем варвары.

Известно, что гунны, не занимаясь земледелием, использовали труд рабов в первую очередь для ухода за скотом; рабы применялись для домашних работ, в качестве челяди, как слуги на войне. Гунны стремились брать с пленных выкуп и отпускать на родину, а не обращать в рабство. Рабам давали возможность участвовать в войнах, приобретать добычу для выкупа. Некоторых из них после получения выкупа оставляли в качестве домохозяев знатные гунны. Так, Онигисий оставил при себе грека, собеседника Приска, и даже допускал его к своему столу.

Таким образом, Приск Панийский, вращаясь в атмосфере византийского двора, хорошо видел пороки и недостатки имперского правительства и не скрывал их в своем труде. Вместе с тем он не охаивал порядков, царивших у варваров, хотя и признавал в конечном счете превосходство римского государства.

Значительную ценность имеют сведения Приска для изучения социально-экономической истории гуннов.

Гунны, по его словам, не занимаются земледелием, а, «подобно волкам», захватывают продукты питания у подвластных им племен⁸⁷. Большую роль в их жизни играет коневодство; лошади у них высоко ценятся, ими одаривают иноземных послов, они являются причиной соперничества и ссор; даже переговоры с византийскими послами гунны ведут сидя в седле. Эти данные Приска вполне согласуются с известиями о гуннах других авторов — Аммиана Марцеллина, Иордана, Зосима, с археологическими изысканиями и вошли в золотой фонд «гуннологии»⁸⁸.

В древний период своей истории, до правления Атиллы, гунны, по данным Иордана, ссылающегося на Приска, занимались преимущественно охотой. «Этот свирепый род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Меотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров

⁸⁴ *Priscus*, fr. 5, 8.

⁸⁵ *Ibidem*.

⁸⁶ *Ibid.*, fr. 8.

⁸⁷ *Ibid.*, fr. 33.

⁸⁸ *Ammian. Marcell.*, XXXI, 3; *Iordan. Getica*, § 123—128; *Zos.*, IV, 20; Л. Н. Гумилев. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960; *его же*. Древние турки. М., 1967; *G. Wirth. Attila und Byzanz*. — *BZ*, 60, 1967, S. 40—69; *F. Altheim. Geschichte der Hunnen*, IV. Berlin, 1962.

племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами»⁸⁹.

В V в., в период тесных сношений с Римской империей, гунны, по данным Приска, ведут оживленную торговлю с византийцами: регулярно в пограничных местах, обычно на берегу Дуная, собираются ярмарки, где ведется торговля между гуннами и другими варварами, с одной стороны, и жителями империи — с другой⁹⁰. Важность для гуннов торговли с ромеями обнаруживается в том, что в мирный договор 433 г., заключенный в городе Марге между гуннами и империей, был внесен особый пункт о свободе, равноправии и безопасности торговли. Соблюдение безопасности торговли, естественно, было необходимо обеим сторонам, тем более что варвары иногда использовали ярмарки для вероломного нападения на римлян⁹¹. Равноправие в торговле было постоянным требованием послов Аттилы к византийскому правительству⁹².

В 448 г. посол Аттилы Эдикон, прибыв в Константинополь, в числе других притязаний гуннского короля к императору выдвигал требование перенести место обычных ярмарок далее в глубь империи: «Аттила требовал притом, чтобы торг в Иллирике происходил не по-прежнему на берегу Истра, но в Наиссе (Нише. — З. У.), который считал он границей скифской и римской земли. . . как город, им разоренный»⁹³. Ниш, по данным Приска, находился от Истра на расстоянии пяти дней пути; таким образом, гунны требовали отодвинуть место ярмарок на довольно значительное расстояние от Дуная. После смерти Аттилы его сыновья послали к византийскому императору Льву I посольство для заключения мира; одним из главных условий они выдвигали возобновление торгового соглашения о ярмарках на берегу Дуная. Император отказал послам, так как не желал, чтобы гунны, принесшие столько вреда его земле, принимали участие в римской торговле.

Широко известна любовь гуннов к золоту и другим драгоценностям, их неутолимая жажда получить от империи побольше денег в качестве дани или выкупа за пленных. Подобными сведениями буквально пестрит сочинение Приска. Жадность и разного рода вымогательства характерны как для самого Аттилы, так и для его приближенных. Гунны по мере военных успехов все повышают дань, которую им должны платить восточные и западные римляне. Так, по данным Приска, в 30-х годах V в. византийцы были обязаны платить гуннам (царским скифам) за сохранение мирного Маргского договора ежегодно по 700 либр золота, а ранее эта дань составляла 350 либр⁹⁴. В 447 г., после поражения византийцев в сражении с гуннами на Херсонесе Фракийском, мир был заключен на еще более тяжелых для империи условиях: византийцы должны были уплатить гуннам единовременно шесть тысяч либр золота в счет жалованья гуннам за прошедшее время и вносить им ежегодно определенную дань в две тысячи сто либр золота; за каждого военнопленного, бежавшего и перешедшего в свою землю без выкупа, они обязаны были платить двенадцать золотых монет или выдать беглецов⁹⁵.

Из труда Приска очень явственно вырисовывается социальное и имущественное расслоение внутри гуннского племени. Приск никогда не забы-

⁸⁹ Jordan. *Getica*, § 123.

⁹⁰ Priscus, fr. 2.

⁹¹ Ibidem.

⁹² Ibid., fr. 8.

⁹³ Ibid., fr. 7.

⁹⁴ Ibid., fr. 1.

⁹⁵ Ibid., fr. 5. Римляне, пытаясь откупиться от Алариха во время осады его войсками Рима, преподнесли ему следующие дары: 5 тысяч либр золота, 30 тысяч либр серебра, 3 тысячи штук красных кож, 3 тысячи шелковых хитонов, 3 тысячи литр перца (Zos., V, 41); в 473 г. византийский император Лев I платил ежегодно дань готам в размере 2 тысяч либр золота (Gy. Moravcsik. *Op. cit.*, S. 480).

вает отметить положение того или иного варвара при дворе Аттилы. Он прежде всего подчеркивает разветвленность царского рода, большое число родственников царя, его сыновей, дядей и многих других. Все они занимают самое высокое положение на иерархической лестнице при дворе короля; сыновья и Оварисий, дядя Аттилы по отцу, удостоиваются чести сидеть во время пира на его ложе, сыновьям поручается управление подвластными племенами ⁹⁶. Аттила хотел сделать своего старшего сына королем скифского народа акациров и послал его к ним вместе с Онигисием. Последний, по словам Приска, был вторым лицом в державе Аттилы и после короля имел величайшую силу среди гуннов ⁹⁷. Именно Онигисию был отдан попавший в плен грек, собеседник Приска. Рассказ этого грека о разделе добычи у гуннов согласно положению того или иного лица в обществе весьма примечателен. Этот грек прибыл по торговым делам в город Вимиаций в Мисии на Истре, женился там на богатой женщине и жил счастливо до тех пор, как варвары захватили город. Его богатство стало причиной того, что при разделе добычи «он был в первую очередь отдан Онигисию; ибо взятые в плен богатые люди доставались на долю, после Аттилы, скифским вельможам, имеющим большую власть». Все добытое затем на войне этот грек отдал своему господину, по закону скифскому, за что получил свободу.

Высокое положение занимает и главная жена Аттилы — Крека: она имеет свой двор, роскошный дворец, множество слуг и рабов, охрану из варваров-воинов; она дает обед в честь византийских послов ⁹⁸.

Но среди царского рода гуннов имеются и опальные лица, враждующие с Атилой. Чаще всего они ищут убежища в империи. Так, среди беглецов, выдачи которых особенно настойчиво требовали гунны, были дети Мамы и Атакама, происходившие из царского рода. В наказание за их бегство гунны, получив их, распяли во Фракийском замке Карсе в 30-х годах V в. ⁹⁹ Позднее, в 447 г., Аттила требует выдачи нескольких беглецов царского рода, которые переселились к ромеям, отказываясь служить ему ¹⁰⁰.

После родственников царя видное место при дворе Аттилы занимали его ближайшие сподвижники и советники. Одним из первых лиц был Онигисий, он выполнял важные поручения короля, участвовал во всех делах, улаживал распри с подчиненными гуннам племенами, вел дипломатические переговоры и переписку, был первым советником короля. Весьма интересно сообщение Приска о том, что Онигисий по важным государственным вопросам советовался с другими влиятельными придворными Аттилы. «... несколько времени спустя, — пишет Приск, — он держал совет с другими сановниками о том, что было угодно Аттиле, и сочинял письма, которые надлежало отправить к василевсу» ¹⁰¹.

Высокое положение при дворе Аттилы занимал и Верих, который на пиру во дворце гуннов сидел на месте более почетном, чем место послов императора. Он был назначен Атилой послом в Византию и отправился в Константинополь вместе с Максиминим и Приском. «Это был, — пишет Приск, — человек знатный, он владел многими селениями в скифской стране и был прежде с посольством у римлян» ¹⁰².

⁹⁶ *Priscus*, fr. 8.

⁹⁷ *Ibidem*.

⁹⁸ *Ibidem*.

⁹⁹ *Ibid.*, fr. 1.

¹⁰⁰ *Ibid.*, fr. 5.

¹⁰¹ *Ibid.*, fr. 8. При Онигисии были писцы, и между прочим Рустикий, родом из Верхней Мисии, взятый в плен в одном из сражений, но, поскольку он был отлично образован, его использовал Аттила для составления писем.

¹⁰² *Ibidem*. Пока Верих с византийскими послами ехал по скифской земле, он оставался их другом, но, переправившись через Истр, стал их врагом, поссорившись по пустяковой причине, — он отобрал коня, ранее подаренного Максимину.

Наряду с Верихом большим влиянием на дела гуннского государства пользовались гунны Исла, Скотта, Эдикон, часто выполнявшие функции послов ¹⁰³. Эдикон на вопрос евнуха Хрисафия, какое положение он занимает при Аттиле, отвечал, что «он близкий человек к Аттиле и что ему вместе с другими могущественными скифами поручается охрана короля, что каждый из них по очереди держит при нем вооруженный караул» ¹⁰⁴. Узнав о высоком положении Эдикона как одного из начальников гуннской гвардии, Хрисафий решил подкупить его и организовать убийство Аттилы. Хитрый евнух рисовал перед Эдиконом заманчивую картину жизни в империи, где он приобретет за услугу императору огромные богатства, в частности «дом, крытый золотом» ¹⁰⁵. Эдикон принял это предложение, а потом выдал заговор Аттиле — то ли из преданности повелителю, то ли из боязни быть разоблаченным ¹⁰⁶.

Немалой властью при дворе Аттилы пользовался и брат Онигисия — Скотта. Добиваясь встречи с Аттилой, который разгневался на послов императора, Приск обратился за помощью именно к Скотте, узнав от него самого, что он пользуется таким же влиянием на Аттилу, как и его брат, и что король слушается его советов. Подкупив Скотту богатыми дарами, византийцы добились первой аудиенции у гуннского короля ¹⁰⁷.

Вслед за гуннской знатью, которая занимала в державе Аттилы самое привилегированное положение, немалым влиянием при гуннском короле пользовались выходцы из других народов, в том числе прибывшие из Западной и Восточной империй. Первым среди них Приск называет Ореста, родом из подвластной Аттиле Паннонии. Он выполнял вместе с Эдиконом важную дипломатическую миссию в Константинополе, но по своему рангу был ниже Эдикона, «ибо Орест был домочадец и пищик Аттилы, а Эдикон, как человек на войне знаменитый и природный гунн, далеко превышал Ореста» ¹⁰⁸. К числу иноземцев, достигших на службе у гуннов довольно высокого положения, Приск относит также италийца Констанция, посланного Аттиле Аэцием в качестве секретаря, Рустикия, секретаря и переводчика, родом из Мисии, знавшего скифский язык. Правителем дел Креки был некто Адамий, судя по имени, также не варвар; он дал обед в честь византийских послов. К Констанцию Аттила настолько благоволил, что потребовал от византийского императора выдать за него какую-либо богатую и знатную римскую женщину. За эту услугу Констанций обещал дать Аттиле денег из приданого будущей жены ¹⁰⁹.

Из сказанного можно прийти к заключению, что в гуннском обществе в период правления Аттилы существовала высшая варварская знать, влияние которой было связано прежде всего с войной и местом в военной иерархии гуннов, с близостью и родством с самим королем и его родичами, со службой при дворе Аттилы. Знатные гунны имели под своей властью целые селения, и это составляло один из источников их богатств. Знать обогащалась также за счет дани, захвата и раздела добычи, выкупа, получаемого от пленных; Аттила бывал часто щедр к своим приближенным за счет соседей: любимцы короля посылались в империю и богато одаривались византийским правительством. В состав знати, формировавшей круг приближенных Аттилы, входили не только гунны, но и другие варвары, подвластные королю, однако гунны пользовались явными привилегиями. В достаточно сильной степени ощущались кровнородствен-

¹⁰³ Ibid., fr. 1, 8, 9, 18.

¹⁰⁴ Ibid., fr. 7.

¹⁰⁵ Ibidem.

¹⁰⁶ Ibid., fr. 8.

¹⁰⁷ Ibidem. На вопрос о его положении при дворе Скотта ответил: «Не сомневайтесь, — и я наравне с братом моим могу говорить и действовать при Аттиле».

¹⁰⁸ Ibidem.

¹⁰⁹ Ibidem.

ные связи варварской знати. Чужеземцы — выходцы из Византии и Западной Римской империи — исполняли при дворе Атиллы функции секретарей и писцов, пользовались известным влиянием, но полностью им никогда не доверяли.

Для мировоззрения Приска характерно благожелательное отношение не только к гуннам, но и к другим варварским народам. Среди подвластных гуннам племен находились и славяне. Приск прямо не называет славянами тех варваров, которых он встречал в стране гунов, но некоторые косвенные данные дают возможность предположить, что на пути византийского посольства встретились поселения славян. Широко известен рассказ Приска о гостеприимной встрече, которую оказала правительница одного из варварских племен, вдова гуннского князя Бледы, византийскому посольству, направлявшемуся в ставку Атиллы. Туземцы встретили греков весьма дружелюбно, правительница устроила их на ночлег, прислала путешественникам вкусные кушанья и красивых женщин (от услуг которых они, впрочем, отказались). Приск, познакомившись ближе с образом жизни варваров, сохранил потомкам некоторые характерные черты их быта. Варвары для переправы через реки строили плоты, сеяли вместо пшеницы просо, а вместо вина пили мед и какой-то свой напиток кáмос. По словам Приска, туземцы, быть может славяне, показались ему и его спутникам очень симпатичными и радушными людьми ¹¹⁰.

Несколько по-иному Приск описывает те варварские племена, с которыми ему не приходилось общаться. Так, он признает грабительский характер набегов вандалов из Северной Африки на Сицилию и Южную Италию. Для отражения их нападений правители Западной Римской империи неоднократно обращались за помощью в Константинополь. Но просьбы их были тщетны, и они неизменно получали отказ, ибо Византия опасалась, нарушив мирный договор с вандалами, вызвать поход этих грозных варваров на свою собственную территорию ¹¹¹.

Для определения социально-политических взглядов Приска очень важно проанализировать его отношение к народным движениям в империи, принимавшим зачастую в ту пору форму религиозных столкновений. Сохранилось сообщение Евагрия, со ссылкой на утраченный ныне полный текст сочинения Приска, о том что Приск описал народные волнения в Александрии в начале 50-х годов V в.

Согласно рассказу Евагрия, Приск прибыл в Александрию около 553 г., во время крупных народных волнений, связанных с борьбой монофиситов и православных. В этой борьбе Приск занимает лояльную по отношению к правительству позицию и своими советами даже оказывает немаловажную услугу комиту Египта Флору. Приск советует Флору пойти на уступки народу: разрешить раздачу хлеба, открыть бани, возобновить зрелища, прекращенные в связи с беспорядками. Политика уступок принесла желаемый результат, и движение вскоре было усмирено ¹¹². Таким образом, Приск показал себя в столь сложной ситуации как благонамеренный чиновник, осторожный политик, православный христианин, помогавший правительству в борьбе с народным движением, проходившим под монофиситскими лозунгами.

Относительно религиозно-философских и этических воззрений Приска мы знаем очень мало. В его сочинении мы не находим следов приверженности автора к «эллинской» языческой религии его предков. Вместе с тем

¹¹⁰ *Priscus*, fr. 8; *H. Gelzer*. Μέδος bei Priscos. — *BZ*, 24, 1924, S. 313—314; «Сказания Приска Панийского», стр. 46. См.: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, стр. 270; *J. Kuran*. Akcja dyplomatyczna Bizancjum i jego sa siadow w latach 433—468. — «*Towarzystwo naukowe Katol. uniw. Lubelskiego*. Rozniki humanistyczne», 12, 3, 1964.

¹¹¹ *Priscus*, fr. 18.

¹¹² *Evagrius*, II, 5.

Приск не проявляет какой-либо горячей религиозности и христианской ортодоксальности. Он скуп на сведения, касающиеся вопросов религии и церкви. Ему чужд христианский детерминизм, он не склонен объяснять ход исторических событий промыслом Божиим. Однако он сочетает политическую лояльность с лояльностью и конформизмом в отношении господствующей христианской церкви. Бога Приск рассматривает как источник правосудия¹¹³. Вместе с другими византийцами и послами западного императора Приск молит бога о том, чтобы Атилл пошел войной на персов, а не на римлян. Приск с уважением относится к священным сосудам и подчеркивает, что «сосуды, посвященные богу, нельзя более употреблять на потребу людей». Историк почитает церковь как убежище. Например, он рассказывает о том, что жители разоренного гуннами города Наисса (Ниша) укрывались в священных обителях. Он не забывает упомянуть о приверженности вандальского короля Гензериха к ереси, но одновременно подчеркивает, что вандалы исповедовали христианство (хотя и в арианской форме)¹¹⁴. С одобрением говорит наш историк о том, что лазский царь Гуваз (Говаз), вызвавший гнев императора, заслужил вновь милость византийского правительства, доказав свою приверженность к христианской религии: прибыв в Константинополь, царь лазов прельстил эпарха дворца ласковыми речами и «ношением на себе христианских символов»¹¹⁵.

Приск одновременно достаточно терпим по отношению к различным языческим религиям и далек от проповеди насильственного обращения варваров и иных чужеземных народов в христианство. Так, рассказывая о своей поездке с миссией Максимиана в Египет, он одобряет толерантную политику главы византийского посольства в отношении египетских культов. В мирный договор, заключенный византийцами с влеммийцами и нувадами, был включен пункт, согласно которому местным племенам разрешалось отправлять культ Исида: «... чтобы на основании древнего обычая не запрещался влеммийцам и нувадам проезд в храм Исида, причем управление речным судном, на котором перевозится кумир богини, поручалось египтянам. Эти иноземцы в установленное время перевозят кумир Исида в свой край и, допросив его, увозят обратно на остров. Максимиан рассудил за благо скрепить договор в Фильском храме»¹¹⁶.

У Приска не чувствуется осуждения и других языческих культов, даже враждебных христианству. Так, он спокойно повествует о том, что причиной разногласий между Византией и Ираном был вопрос об исповедании зороастрийской религии персами, живущими на территории империи¹¹⁷. Позднее, в VI в., другой византийский историк Агафий отзывался о религии магов-огнепоклонников в иных, враждебных тонах¹¹⁸.

Интересно отношение Приска к господствующей в Византии религиозно-политической доктрине о божественности императорской власти. Когда агент временщика Хрисафия, переводчик Вигила, быть может, с провокационной целью вызвать ссору с гуннами, стал настаивать при знатных гуннах на тезисе о верховенстве императора-бога над Аттилой-человеком, то Максимиан и Приск постарались сгладить недовольство гуннов и смягчить их гнев подарками. «За обедом во время возлияний, — рассказывает Приск, — варвары превозносили Аттилу, а мы — своего

¹¹³ *Priscus*, fr. 8.

¹¹⁴ *Ibid.*, fr. 18.

¹¹⁵ *Ibid.*, fr. 28.

¹¹⁶ *Ibid.*, fr. 17; о культе Исида в Египте VI в. см.: *Procop.*, В. Р. I, 33.

¹¹⁷ *Priscus*, fr. 25. По словам Приска, «... магов, искони обитавших в империи, римляне хотели отвлечь от отеческих обычаев и законов и от их богочитания, они преследуют их и не позволяют, чтобы у них горел, по закону их, так называемый неугасимый огонь».

¹¹⁸ *Agath.*, *Hist.*, II, 24—25.

государя. Вигила заметил, что неприлично сравнивать божество с человеком; что Аттила — человек, а Феодосий — божество. Гунны слышали эти слова и понемногу разгорячились и пришли в раздражение. Мы обратили речь к другим предметам и успокоили их гнев ласковым обхождением, а после обеда Максимин задобрил Эдикона и Ореста подарками — шелковыми одеждами и драгоценными камнями»¹¹⁹.

Приск вряд ли сам искренне верит в божественность императорской власти: для него обожествление василевса ромеев скорее внешний атрибут величия империи, чем философско-религиозная концепция. Историк признает только бога, а не императора источником правосудия. Кроме того, он утверждает, что в империи законы издаются равным образом для всех: «сам царь повинуется им». Вместе с тем Приск, как истый ромей, не может признать правомерность притязаний гуннского короля поставить себя выше римского императора или наравне с ним.

Лишь иронию вызывают у Приска льстивые сравнения Аттилы с божеством. Знаменателен в этом плане рассказ Приска о хитрости, пущенной в ход одним из правителей племени акациров — Курдияхом. Когда Курдиях, потерпев поражение от гуннов, был затем приглашен к Аттиле праздновать победу, он отказался прибыть ко двору гуннского короля: «... Курдиях, подозревая козни, отвечал Аттиле, что трудно человеку взирать на бога; а если человек не в силах смотреть и на солнечный круг, то можно ли без вреда для себя взглянуть на величайшего из богов»¹²⁰. Нашему историку отнюдь не импонируют честолюбивые попытки Аттилы доказать свое превосходство над императором Феодосием. После раскрытия заговора на его жизнь гуннский король через своих послов в Константинополе обличал императора Феодосия и стремился его унижить. Посол Аттилы Исла сказал: «... Феодосий рожден от благородного отца... и сам Аттила знатного происхождения и, наследовав своему отцу Мундиуху, сохранил благородство во всей чистоте, а Феодосий, напротив того, потерял благородство и подчинился Аттиле, ибо обязался платить ему дань. Итак, он (Феодосий. — З. У.) дурно поступает, тайными кознями, подобно низкому рабу, посягая на того, кто лучше его и кого судьба сделала его господином»¹²¹. Приск порицает хвастливые речи Аттилы, который горделиво заявлял, что полководцы римского императора — его рабы, а его военачальники равны тем, кто царствует над римлянами¹²².

В отличие от некоторых других ранневизантийских писателей, в частности от Аммиана Марцеллина, Прокопия и особенно Феофилакта Симокатты, Приск не проявляет особой склонности к суевериям. Правда, и он отдает дань легендарным рассказам, вплетая их в свое изложение. Особенно стали знамениты два таких рассказа Приска, связанные с передачей бытовавших в его время легенд. Первый рассказ касается находки Аттилой священного меча бога войны Марса. Эта находка предвещала укрепление могущества гуннского короля. Аттила решил, «что это знамение послал ему бог, явивший меч Марса, который у скифских царей почитается священным. Этот меч чтится ими как посвященный богу войны, и в древние времена он исчез, а теперь был случайно открыт быком»¹²³.

Текст Приска, содержащий вторую легенду, к сожалению, не сохранился, но он подробно воспроизведен Иорданом. По словам готского историка, Приск, искренне веря в правдивость легенды, рассказал о чуде, предвещавшем гибель Аттилы. В ночь смерти гуннского короля императору Маркиану явилось во сне божество и показало сломанный лук Аттилы. «Историк Приск говорит, что может подтвердить это (явление бо-

¹¹⁹ *Priscus*, fr. 8.

¹²⁰ *Ibidem*.

¹²¹ *Ibid.*, fr. 9.

¹²² *Ibid.*, fr. 8.

¹²³ *Ibidem*; ср. *Iordan*. *Getica*, § 183.

жества) истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим»¹²⁴.

Приск приводил в своем сочинении также полулегендарный рассказ о переходе гуннов через Меотиду, повторенный затем Иорданом и Прокопием. В утерянной части сочинения Приска содержалось известие о суеверном ужасе, который внушал гуннам город Рим. Иордан, со ссылкой на Приска, говорит, что приближенные Аттилы убедили его отказаться от осады Рима не из-за добрых чувств к городу, врагами которого они были, а из-за опасения за жизнь своего короля, ибо памятна была судьба вестготского правителя Алариха, который умер вскоре после разорения Рима¹²⁵.

Мы можем только гадать, почему Приск, столь ярко описавший обычаи гуннов и других варваров, подвластных Аттиле, умолчал об их религии и религиозных обрядах. Было ли это свидетельством слабой приверженности гуннов к религиозным обрядам или просто волей составителей эсцерптов Константина Багрянородного, которые сокращали труд Приска, — видимо, навсегда останется загадкой.

Еще труднее составить представление об этических и моральных воззрениях Приска.

Приск как писатель и человек обладал, видимо, достаточно твердыми нравственными устоями. Так, ему глубоко претят коварство и вероломство, проявляемые в дипломатических делах; он искренне негодует по поводу намерения евнуха Хрисафия (а тем самым и императора) убить Аттилу и использования посольства в этих недостойных целях¹²⁶. Ему несимпатичен грек-перебежчик, хулящий свою родину и ее порядки. Верность своему государю он считает достоинством, а измену порицает. Он доброжелательно говорит об отказе гуннского вельможи Онигисия продать свою страну и своего короля за византийское золото¹²⁷. Приску импонирует мужество и достойное поведение послов империи, в частности посла к гуннам Аполлония, который прославил себя поступком, достойным твердого человека. Он не испугался Аттилы, хотя тот угрожал ему смертью, и не выдал королю подарков императора без того, чтобы Аттила принял его для переговоров¹²⁸. Сам Приск во время переговоров с Аттилой держит себя с достоинством и проявляет даже большее мужество, чем Максимин¹²⁹.

Приск, в отличие от многих других авторов, особенно Аммиана Марцеллина, Зосима и Прокопия, достаточно благожелателен к окружающим. Даже в самых дурных людях он способен разглядеть какие-то привлекательные черты. Так, Вигила, подготовлявший тайное убийство Аттилы, человек, в изображении Приска, коварный, лживый и скрытный, способный на любое преступление ради корысти, в трудную минуту жизни проявил незаурядные свойства — отеческую любовь и самопожертвование. Захватив и разоблачив Вигилу в участии в заговоре, Аттила хотел убить его сына, если не будет уплачен выкуп в 50 либр золота. «При виде сына, обреченного на смерть, Вигила, проливая слезы и рыдая, умолял Аттилу обратить на него меч и пощадить ни в чем не повинного юношу. Он тотчас признался в том, что было замышлено им, Эдиком, евнухом и царем, и между тем не переставал просить Аттилу убить его самого и от-

¹²⁴ *Iordan. Getica*, § 255; о гуннском золотом луке см.: *J. Harmatta. The Golden Bow of the Huns*. — «*Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*», 1, 1951, p. 107—151.

¹²⁵ *Iordan. Getica*, § 222.

¹²⁶ *Priscus*, fr. 8.

¹²⁷ *Ibidem*.

¹²⁸ *Ibid.*, fr. 14.

¹²⁹ *Ibid.*, fr. 8.

пустить сына». Атила внял мольбам Вигилы и отослал его сына в империю за выкупом ¹³⁰.

Приск отнюдь не превозносит также «подвиги» византийских полководцев, которые связаны с коварным обманом и жестокостью. Так, он без сочувствия рассказывает о том, как в 467 г. полководцы императора Льва I победили готов, обманув и разбив их по частям. Наместник полководца гота Аспара — Хелхал, родом гунн, посеял вражду между готами и гуннами, говоря, что «даст готам земли, но не для них самих, а в пользу гуннов; что гунны, не занимаясь земледелием, будут, как волки, приходить к готам и похищать у них пищу; что готы, находясь в состоянии рабов, будут работать для содержания гуннов, хотя готское племя искони было в непримиримой вражде с гуннами». Лживые речи Хелхала разожгли кровавую битву между готами и гуннами, которой воспользовались византийцы для полного разгрома готов ¹³¹.

Приску не чужд и патриотизм; так, он оправдывает жителей Асимунта в Иллирике в том, что они ради спасения своего народа дали гуннам ложные клятвы ¹³².

С познавательной точки зрения труд Приска интересен не только сведениями о различных народах, с которыми Византия имела мирные отношения или вела войны. Согласно Приску, Восточная империя в V в. вела дипломатические переговоры с гуннами (с Атилой и его предшественниками и преемниками), арабскими племенами (сарацинами), нумидийскими кочевыми народами (влеммиями и нувадами), с вандалами, лазами, персами, готами. Внимание привлекают ценные сообщения Приска по истории римско-византийской и варварской дипломатии V в.: писатель четко обрисовал права и обязанности византийских послов, организацию посольств, широкое применение подкупа варваров ценными дарами, дал подробное описание этих драгоценных подарков, этикета приема и отправления послов, некоторых норм международного права. Изучение сочинения Приска помогает проследить складывание и организацию византийской дипломатической системы, достигшей столь высокого совершенства в последующее время. Ярко показан взаимный шпионаж византийских агентов и агентов варваров. В частности, делается очевидным, что Атила имел тайных шпионов при константинопольском дворе, так как ему стало известным содержание секретных поручений, данных византийским императором своим послам ¹³³.

Одной из важных черт дипломатической системы Византии была строгая градация рангов и титулов послов в зависимости от могущества того государства, куда отправляется посольство. Приск сообщает о постоянных требованиях Атилы посылать к нему послов высокого ранга, знатных, имеющих консульское звание. В ответ на притязания Атилы византийское правительство порою шлет отказ, ссылаясь на установившийся обычай ¹³⁴. В тяжелых условиях нажима со стороны гуннов оно иногда принуждено нарушать обычаи и отправлять к Атиле в качестве послов знатных вельмож ¹³⁵.

¹³⁰ *Priscus*, fr. 8.

¹³¹ *Ibid.*, fr. 33.

¹³² *Ibid.*, fr. 5.

¹³³ *Ibid.*, fr. 8.

¹³⁴ Так, например, Приск сообщает, что Максимино поручено было передать Атиле, «что он не мог требовать, чтобы к нему отправлялись послы высшего достоинства, ибо этого не бывало ни при его предках, ни при других правителях скифской земли; что миссию посла всегда выполнял какой-нибудь воин или вестник» (*ibidem*).

¹³⁵ *Ibid.*, fr. 4, 8, 11. Так, например, Атила потребовал от посольства Максимиана, чтобы к нему были присланы в качестве послов обязательно консуляры — либо Ном, либо Анатолий, либо Сенатор. На замечание Максимиана о том, что «не следует назначать в посольство этих мужей и через то делать их царю подозрительными», Атила ответил угрозой начать войну, если его требование не будет выполнено (*ibid.*, fr. 8).

Одновременно Приск рисует картину довольно сложной организации посольского дела и дипломатии у самих варваров. При дворе Аттилы уже были разработаны ритуал приема посольств, правила поведения послов; на пирах Аттилы царили придворный этикет и местничество. Посол каждой страны на приеме имел свое место, ближе или дальше от короля, в зависимости от ранга пославшей его страны. Деятельность послов строго регламентировалась: послы должны следовать за кортежем короля, а не обгонять его; их сопровождают проводники-варвары и охраняют варварские отряды; послам запрещается разбивать шатры на месте более возвышенном, чем место, где расположен шатер Аттилы; в стране гуннов им выдается определенное содержание, по дороге же, на территории империи, их кормят местные жители ¹³⁶. Делать остановки в пути, разбивать лагерь и селиться на более длительное время послы могут только в тех местах, где им укажут люди Аттилы. Византийские послы в свою очередь заботились о том, чтобы не было унижено их достоинство как послов императора. Они, например, согласились вести переговоры с гуннами, сидя верхом на лошадях, следуя варварскому обычаю, для того чтобы не быть в положении, унижающем их достоинство ¹³⁷. Для византийских послов всегда было строго обязательно передавать письма и устные поручения императора лично королю, но варвары иногда, по приказу Аттилы, пытались нарушить этот обычай и выведать у послов цель их посольства. Византийцы резко протестовали против нарушения этих правил ¹³⁸.

При дворе Аттилы, видимо, была особая канцелярия для ведения дипломатической переписки: Аттила имел в своем распоряжении высокообразованных писцов, главным образом из числа латинян, присланных ему Аэцием. Среди писцов были и эллины. Переписка велась на латинском, греческом и других языках. В ходу у варваров, подчиненных Аттиле, были различные языки. Об этом свидетельствует знаменитое место из труда Приска: «Скифы, будучи сборищем разных народов, сверх собственного своего варварского языка, охотно употребляют язык гуннов, или готов, или же Авсониев язык (латинский. — З. У.) в сношениях с римлянами; но нелегко найти между ними человека, знающего эллинский язык, исключая людей, увезенных в плен из Фракии или из приморской Иллирии» ¹³⁹. В дипломатических переговорах как гунны, так и византийцы широко пользовались услугами переводчиков из греков, латинян и варваров. Писцы, отлично образованные, и переводчики, хотя по рангу были, естественно, ниже посланников, но все же пользовались почетом и влиянием, особенно при дворе Аттилы ¹⁴⁰.

При первой же встрече с правителем страны, куда они были посланы, послы обязаны были лично ему передать грамоты императора. Так, например, поступил Максимин при первой встрече с Аттилой в его шатре, еще по пути в ставку гуннского короля.

Личность посла и всех участников посольства считалась неприкосновенной. Аттила даже в страшном гневе на Вигилу в тот момент, когда он был официальным лицом, не решился посадить его на кол и отдать на съедение птицам, как угрожал, опасаясь нарушить права посольства.

Византийское правительство впоследствии было вынуждено выполнить ультиматум Аттилы (*ibid.*, fr. 10).

¹³⁶ Жители Сардинии доставили посольству Максимиана баранов и быков. Переправляли их через Истр варвары-перевозчики на лодках-однодеревках, приготовленных Аттилой для войны с Византией (*ibid.*, fr. 8).

¹³⁷ *Ibid.*, fr. 1.

¹³⁸ «Мы заметили, — пишет Приск, — что не так ведется в посольствах, чтобы посланники, не переговорив с тем, к кому они посланы, и даже не повидав их, сообщали им о цели своего посольства при посредничестве других лиц; что это неизвестно и самим скифам, которые часто отправляют посольства к царю. ...» (*ibid.*, fr. 8).

¹³⁹ *Ibidem.*

¹⁴⁰ *Ibidem.*

Постоянным предметом переговоров между империей и Аттилой были споры из-за выдачи перебежчиков из страны гуннов в Византию и из-за уплаты дани. Переговоры сопровождались обменом подарками и взаимными угощениями. Почти всегда переговоры были связаны с вымогательствами Аттилой золота у византийцев.

Заметную роль в дипломатии как Восточной и Западной империй, так и варваров играл обмен подарками. Со стороны империи, как известно, это была форма подкупа опасных врагов государства. Приск дает представление о том, какие дары везли для гуннского правителя и его окружения византийские послы. Дары подносились в строгом соответствии с рангом и полом одариваемых; выбирались вещи, редкие у варваров и поэтому особенно ими ценимые. Византийские послы, по рассказу Приска, поднесли шесть тысяч либр золота самому Аттиле, шелковые одежды и драгоценные камни его послам, серебряные чаши, красные кожи, индийский перец, плоды фиников вдове Бледы за ее гостеприимство. Видимо, аналогичные подарки (с добавлением драгоценных ювелирных изделий) были переданы жене Аттилы — Креке, золото и богатые дары — приближенным Аттилы — Онигисию, Скотте и другим ¹⁴¹. Послы дарили подарки от себя и от императора. Так, Приск поднес любимцу Аттилы — Онигисию подарки от посла Максимиана и золото от императора. Послы византийского императора сами должны быть богаты и щедры и покупать ценными подарками благоволение того варварского правителя, к кому они посылаются. Так, например, в посольство к Аттиле в 449 г. был включен магистр и патрикий Ном не только по причине высокого звания и преданности временщику Хрисафию, но и благодаря своей щедрости. «Притом надеялись, — пишет Приск, — что он одолеет Аттилу своей щедростью: он обыкновенно не жалел денег, когда хотел достигнуть успеха в своих стремлениях» ¹⁴². Аттила открыто требовал дани со знатных и богатых византийцев, пребывающих в его страну. Так, он отказался принять в 452 г. посла императора Маркиана — Аполлония «за то, что он не привез к нему дани, которая, как уверял он, была ему назначена от самых влиятельных лиц и достойных царского сана» ¹⁴³.

В свою очередь, Аттила одаривал византийских послов конями и звериными мехами, которыми украшали себя царские скифы ¹⁴⁴. Послов одаривал не только сам Аттила; по его приказу, в знак уважения к Максимиану все знатные гунны должны были послать главе византийской миссии по коню. Максимиан, желая показать, «умеренность своих желаний», принял лишь немногих коней, остальных отослал варварам обратно.

Иногда, в случаях конфликта с послами, гунны более обычного ограничивали их свободу. Так, Аттила запретил византийцам из посольства Максимиана освобождать римского военнопленного, покупать раба-варвара, или лошадь, или другое что-либо, кроме съестных припасов, пока не будут улажены существующие между скифами и ромеями недоразумения ¹⁴⁵.

Обычно посольства отправлялись от одного государя к другому в их столицы или в военный лагерь Аттилы. В особых случаях Аттила соглашался выезжать навстречу послам императора и вести с ними переговоры в условленном месте. Так, например, Аттила предлагал Феодосию II приехать для встречи с его послами в город Сардику, но византийское правительство, опасаясь появления опасного врага в глубине своей территории

¹⁴¹ *Priscus*, fr. 8.

¹⁴² *Ibid.*, fr. 10.

¹⁴³ *Ibid.*, fr. 14.

¹⁴⁴ *Ibid.*, fr. 11.

¹⁴⁵ *Ibid.*, fr. 8. Цель этого ограничения в данном случае состояла в том, чтобы изобличить Вигилу в хранении золота, привезенного для подкупа Эдикона и его сообщников.

(Сардика находилась на расстоянии 13 дней пути от Дуная), отказалось от предложения Атиллы ¹⁴⁶.

Посол как лицо, облеченное высоким званием, часто не мог сам вести переговоры с приближенными Атиллы, а должен был это делать через своих помощников, в частности, Максимин делал это через Приска ¹⁴⁷.

В знак особой милости Атила в 449 г. выехал навстречу византийским послам Анатолию и Ному и после возобновления договора о мире не только щедро одарил послов, но в знак уважения к ним отпустил на свободу без выкупа многих византийцев-военнопленных ¹⁴⁸.

Сказанное убеждает нас в том, что сочинение Приска в том виде, как оно дошло до нас, представляет немалую ценность как источник по истории дипломатии ранней Византии и варварского мира ¹⁴⁹.

Стиль изложения и язык Приска отличаются простотой и жизненной непосредственностью. Приску в значительно меньшей степени, чем другим византийским авторам, присущи риторика и копирование античных образцов. Античные реминисценции, буквально переполняющие труды Прокопия, Агафия, Феофилакта Симокатты и других писателей, встречаются у Приска сравнительно редко. Можно отметить лишь отдельные случаи обращения писателя к античной литературе. Так, рассказывая о приеме во дворце Атиллы, Приск рисует живую сценку выступлений перед Атиллой и гостями певцов, поэтов, шутов, и в том числе шута поневоле горбуна маврусия Зеркона, который, стремясь добиться прощения разгневанного на него Атиллы, хотел развеселить его своими шутками. «Пользуясь весельем пиршества, Зеркон предстал (перед Атиллой) и своим видом, одеждой, голосом, смешением слов — ибо он смешивал язык латинский с гуннским и готским — развеселил присутствующих и во всех их, кроме Атиллы, возбудил *неугасимый смех*» ¹⁵⁰. Последнее выражение взято Приском из «Илиады» Гомера, из знаменитой сцены пира богов. Сходна с рассказом Геродота переданная Приском легенда о мече Марса ¹⁵¹.

Влияние античной риторики особенно сказалось в речи Приска, произнесенной им в споре с греком-перебежчиком, речи, и по форме и по содержанию основанной на античных образцах ¹⁵².

Как и многие другие ранневизантийские писатели, Приск в известной степени тоже испытал на себе влияние великих историков античности, и прежде всего Геродота и Фукидида. Но симптоматично, что их воздействие ощущается только в тех частях сочинения Приска, где автор говорит о событиях более древних и ему мало известных, очевидцем которых он не был. Это относится, например, к рассказу Приска о древней истории царских скифов, под которыми автор разумеет гуннов ¹⁵³, о походе гуннов еще задолго до правления Атиллы в Персию ¹⁵⁴. Примечательно и то, что влияние на Приска античных авторов, в частности Геродота, сказалось не только и не столько в языке и стиле его сочинения, сколько в привлечении Приском некоторых исторических аналогий, порою необходимых ему для объяснения современных событий. Так, описание Приском движения восточных народов с Востока на Запад напоминает рассказ Геродота о вытеснении в древности одного народа другим ¹⁵⁵.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ Ibidem.

¹⁴⁸ Ibid., fr. 11.

¹⁴⁹ E. Doblhofer. Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Graz, 1955; J. Kuranz. Akcja dyplomatyczna Bizancjum i jego sąsiedów w latach 433—468.

¹⁵⁰ Priscus, fr. 8.

¹⁵¹ Ibidem; Gy. Moravcsik. Op. cit., S. 482.

¹⁵² Priscus, fr. 8.

¹⁵³ Ibid., fr. 1.

¹⁵⁴ Ibid., fr. 8.

¹⁵⁵ Ibid., fr. 24; cp. Herodoti Historiae, IV, 13.

Приск не свободен и от некоторых архаизирующих тенденций, столь свойственных ранневизантийской литературе. Это проявилось в употреблении им архаичных, заимствованных из античных авторов наименований племен и народов. Так, гуннов и подвластных им варваров Приск называет, по античной традиции, собирательным названием «скифы», иногда выделяя для господствующего племени название «царские скифы». Латинский язык Приск, по традиции, называет Авсонским — от древнего наименования Италии. Галлию он именует Западной Галатией, а Панонию — Пеонией ¹⁵⁶; подобные примеры можно было бы умножить.

Однако эти архаизирующие тенденции у Приска не затемняют главного в его труде — они как бы патина, покрывающая легким налетом мерцающую бронзу. Главное в сочинении Приска, говоря нашим языком, это то, что оно очень современно. Просто, без риторических прикрас переданы чувства и настроения автора, мысли и представления людей его времени.

Приск бесспорно талантлив: он в полной мере обладает редким даром той простоты, в высоком смысле этого слова, которая является зачастую лучшей мерой подлинно художественного произведения. Все увиденное и пережитое он рассказал правдиво и искренне. Только там, где он не опирается на личный опыт, его рассказ делается более сухим и трафаретным.

Славу Приска как историка составил удивительно живой и образный рассказ о посольстве византийцев к Аттиле. Подкупающей правдивостью и простотой картина двора Аттилы может сравниться с лучшими страницами античной историографии. Беспримерная для византийца объективность Приска в отношении варваров, глубокое понимание исторического значения передвижения огромных масс людей, принявшего характер так называемого великого переселения народов, его знание людей, мастерское изображение характеров, умение обобщить материал и выделить главное выдвигают труд Приска на одно из первых мест среди исторических источников V в. Недаром в последующее время сочинение Приска используют многие византийские авторы, а современные ему западные хронисты далеко отстают от него, давая лишь краткие записи тех событий, которые он описал с таким блеском.

¹⁵⁶ *Priscus*, fr. 1, 8.